

А. Н. Веселовский

**Сказания о красавице в
тереме и русская былина о
подсолнечном царстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Сказания о красавице в тереме и русская былина о подсолнечном царстве / А.
Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-4898-9

ISBN 978-5-4241-4898-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вѣчно юный богъ, торжествующій „сирь Амуръ“. Напрасно запоздалые моралисты стараются замаскировать эту переищу, совершившуюся въ сознаниі, отодвигая новое чувство въ то же царство зла, изъ котораго они любили пугать людей всякими страхами. Для нихъ богиня Венера, заманившая Тангейзера въ свое подземелье, была по прежнему демономъ, ея чары—бѣсонскимъ павожденіемъ; а кругомъ нихъ общество начинало вѣрять въ особое царство Амура, побѣдоносно владѣющаго людьми. Амуръ—властелинъ, которому нѣтъ равныхъ на землѣ; ему подчинены старыя и малыя; его царство—царство веселья и наслажденій; его автономія не допускаетъ никакихъ счетовъ съ старыми опредѣленіями нравственности, съ различіемъ добра и зла. Чтѣ съ точки зрѣнія школьной морали должно было представляться паденіемъ, передъ лицомъ Амура было подвигомъ, и наоборотъ, добродѣтельный человекъ могъ являться измѣнникомъ передъ нимъ, невѣрнымъ слугою, боязливо зарывавшимъ въ землю непосланный ему талантъ любви.

Эта новая категорія нравственности, вызывавшая новую оцѣнку человѣческихъ дѣйствій, не отмѣнила прежнія, которыя слишкомъ глубоко засѣли въ средневѣковомъ сознаниі, поддерживаясь обычаемъ и авторитетомъ священныхъ текстовъ. Тутъ произошло то, чтѣ обыкновенно происходитъ въ исторіи, гдѣ новые принципы никогда не проходятъ въ жизнь въ чистомъ видѣ, безъ лигатуры, безъ смѣшенія съ прошлыми. Царство Амура успѣшило ужиться съ небомъ и преисподнею, вступивъ въ сдѣлку со школьною моралью. Съ точки зрѣнія новаго чувства, женщина, служащая сиру Амуру, была, собственно говоря, ни порочною, ни добродѣтельною; ея достоинства исключительно опредѣлялись ея вѣрностью избранному богу; на столько она могла быть сильна или слаба. И не смотря на то, она чаще всего изображается слабою, какъ въ поученіяхъ и прикладахъ угрюмыхъ моралистовъ. Она по прежнему слабый сосудъ, на который напряженно устремлены всѣ силы соблазна; она борется съ нимъ и чаще всего падаетъ; но ея противникъ не—темный гений похоти и злобы, а свѣтлый царь любви. Тѣмъ болѣе чести въ ея побѣдѣ; но и пораженіе есть тоже торжество. Не легко устоять ей, какъ ни помогаютъ ей Дѣвственность и Стыдливость и всѣ другія аллегорическія силы противъ побѣдоносныхъ полчищъ бога, передъ которымъ не устояли и древніе мудрецы. Помните, чтѣ рассказывала новелла о Виргиліи, объ Аристотелѣ и Гиппократѣ. Легенды о „женской злобѣ“ выступаютъ въ литературѣ въ новомъ окруженіи и съ инымъ пониманіемъ

отношеній, потому что всѣ сямпатія теперь на сторонѣ слабого и соблазвляемаго. Такими являются онѣ у романистовъ.

Желщина по старому заключена, потому что надо же охранить ее отъ грѣха. Но вотъ тайкомъ, оцѣнью пробирается къ феодальному замку влюбленный витязь, или сама красавица сговаривается съ плѣнникомъ, порученнымъ ей пазвору—и разказываются разнообразныя легенды объ „увозахъ“. Или красавица по прежнему сидитъ въ торемѣ, за семью запорами, а любовникъ успѣваетъ ее увидѣть и условяся съ нею, или неожиданно, всякими, несправами и хитростями проникаетъ въ заповѣдную горницу. Аршамбо женился на прекрасной Фламенкѣ и съ первыхъ же дней брака ощутилъ къ ней страшную ревность. Прямо съ брачнаго торжества онъ переселяетъ ее въ башню, гдѣ она, вмѣстѣ съ двумя подругами, принуждена вести затворническую жизнь, никуда не показываясь, не выходя даже въ церковь безъ сопровожденія мужа. Гильомъ де-Неверъ слышитъ объ этомъ, потому что по всей Оверни стали ходить насмѣшливыя пѣсни о ревности Аршамбо; и ему хочется попытать счастья. Поселившись противъ замка, въ которомъ жила Фламенка, онъ усиѣваетъ, въ одеждѣ каноника и во время службы, объясниться съ нею въ церкви. Кстати Господь устроилъ такъ, что у Фламенки дѣтей не было, а мужъ отпратилъ ее отъ себя своимъ поведеніемъ, котораго она не заслужила, и ея сердце было свободно. Подземный ходъ, нарочно для того устроенный, даетъ Гильому возможность видѣться съ своею возлюбленною, и всѣ предосторожности мужа не послужили ни къ чему. А всему виной несносная ревность, дѣлавшая Аршамбо изъ человѣка звѣрь; онъ самъ не свой, въ вѣчной тревогѣ, мечется, нервно зѣваетъ, кусаетъ губы и рветъ на себѣ бороду; онъ ревнуетъ даже къ волосамъ Фламенки, блестящимъ какъ золото, и хочетъ ихъ обрѣзать; онъ готовъ убить ее. „Я потерялъ голову“, говоритъ онъ самъ себѣ;—„еще не было мужа, которому выпала бы на долю такая жена, какъ моя. Ты говоришь, что не умѣешь держать ее въ рукахъ“, продолжаетъ онъ разсуждать самъ съ собою; „но какъ держать ее? Испытай побой. Бить ее? Но что я оттого выиграю? Развѣ она станетъ оттого мягче и обходительнѣе? Нѣтъ, она только сдѣлается злѣе; ударами не выколотишь вздорныхъ мыслей, въ любящемъ сердцѣ они только прибавятъ пылу, и тогда никакія стѣны, никакая крѣпость не воспрепятствуютъ ему рано или поздно достигъ цѣли, къ которой оно стремится“. И онъ набрасывается на жену съ потокомъ упрековъ, которыхъ та совсѣмъ не понимаетъ. „Что съ тобою?“ спрашиваетъ она

его въ недоумѣніи. „А! такъ ты такъ-то мнѣ отвѣчаешь? Я, несчастный, умираю, а ты насмѣхаешься надо мной? Вотъ что сдѣлали ухаживатели! Но имъ здѣсь двери на запоръ. Даромъ трудится тотъ, кто, желая сохранить свою даму, не начнетъ съ того, что запретъ ее въ такое мѣсто, гдѣ она была бы доступна лишь одному ея хозяину и сторожу. Это единственно вѣрное средство“. Понятно, что всякое посѣщеніе ему въ тягость и возбуждаетъ его подозрительность. Прійдетъ ли къ нему гость, онъ принимаетъ озабоченный видъ, начинаетъ насвистывать и напѣвать, крутя концы своего пояса, и при этомъ щурится, изъ-коса посматривая на жену, или же велитъ слугѣ подать себѣ воды на руки, чтобы дать понять пришедшему, что онъ готовится обѣдать. „Не отобѣдаете ли и вы съ нами“, говоритъ онъ недогадливому;—„теперь время: вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, принявъ приглашеніе и будете имѣть случай показаться въжливимъ“. Такъ онъ говоритъ, а самъ какъ-то скалитъ зубы, улыбаясь безъ улыбки. Иногда онъ покажетъ видъ, что идетъ гулять, а самъ пританцуетъ въ кухнѣ и оттуда наблюдаетъ за всѣми движеніями жены ¹⁾.

И не смотря на это, онъ потерялъ ее, потому что хотѣлъ уберечь, что уберечь не возможно. Самъ же онъ говоритъ, что любовь не знаетъ ни стѣны, ни преградъ, и нѣмецкій миннезингеръ вторитъ ему, заставляя красавицу такъ спорить съ Амуромъ: Красавица: Я въ охранѣ добродѣтели.—Любовь: А у меня ключи Амура (MS. I, 186: *Diu schöne sprach: Ich bin mit wirdekheit behuot; Die Liebe sprach: Ich han der Minne slözgewalt*); они все откроютъ, почему всякая охрана становится ненужною. Бесполезность терема, гѣм. huote, и вообще всей системы заключенія, какую испытывала средневѣковая женщина, становится общимъ мѣстомъ староевропейской лирики; въ пемъ сказывалось не признаніе за женщиной человѣческихъ достоинствъ и равноправности съ мужчиной—до чего общество еще не дошло,—а вѣра въ неисповѣдимые пути Амура. „Кто излишне заботится уберечь свою жену, напрасно тратитъ свой трудъ“, говоритъ Конрадъ Вирцбургскій, сравнивая въ другомъ мѣстѣ мужей, слишкомъ заботливыхъ въ этомъ отношеніи, съ тѣмъ, кто несетъ розгу, которою самого себя будетъ бить. „Кто сторожитъ женщинъ и приручаетъ зайцевъ, тотъ сумашествуетъ“, учить въ XIII вѣкѣ авторъ Renner'a ²⁾;

¹⁾ Le roman de Flamenca, publié etc. par Paul Meyer. Paris. 1865.

²⁾ См. *Massmann*, *Eraclius*, стр: 598—601. *Dio Huot*.

въ XII вѣкѣ на той же идеѣ построены романъ Готье изъ Арраса: Etacles, или лучше сказать, идея вытекаетъ изъ первой и большей (5060 ст.) половины этого — не то романа, не то сказки. Вторая (отъ 5060 до 6464 ст.) обнаруживаетъ неловкій спай: автору (или болѣе древнему преданію, послужившему ему источникомъ) почему-то захотѣлось отождествить своего героя, вѣщаго мальчика Иракліа, съ императоромъ того же имени, заставить его воевать съ Хозроемъ и побѣдоносно вступить въ Иерусалимъ съ чудотворнымъ крестомъ, вырваннымъ изъ рукъ невѣрныхъ. Если это отождествленіе принадлежитъ Готье, то оно на столько же свидѣтельствуетъ о его исторической начитанности, на сколько введеніе нѣкоторыхъ историческихъ чертъ въ первую часть романа. Къ послѣднимъ принадлежатъ имя императрицы Атенанды. Массманъ, издавшій тексты Готье и и вѣмецкаго его подражателя Отте и снабдившій тотъ и другой обширными историко-литературными примѣчаніями, выбралъ изъ византійскихъ лѣтописцевъ разказы, ходившіе объ этой императрицѣ; по сличенію ихъ съ соотвѣтствующею личностью романа обнаруживается лишь одно существенное сходство: что та и другая были изъ простаго яванія и обличены въ невѣрности; затѣмъ все въ романѣ — сказка, тогда какъ у византійскихъ повѣствователей идетъ одна изъ самыхъ обычныхъ въ Византіи дворцовыхъ интригъ. Она разказываютъ слѣдующее: Императоръ Θεодосій II проситъ сестру свою Пульхерію сосватать ему невѣсту, все равно — родовитую, или пѣтъ, лишь бы была красавица надъ красавицами. Пульхерія и другъ императора Павлинъ берутся помочь ему и пускаются на поиски. Въ это время прибыла въ Византію Атенанда, дочь философа Гераклита, съ жалобой на своихъ братьевъ Валеріана и Гезіа или Геневіа. Дѣло въ томъ, что отецъ ея, умирая, оставилъ все свое состояніе сыновьямъ, а дочери всего 100 золотыхъ. Но она не знаетъ, за чтѣ она такъ обдѣлена, когда ни въ чемъ не была повинна передъ отцомъ, и требуетъ у братьевъ равной части въ наслѣдствѣ. Тѣ отказываютъ ей, и она идетъ на нихъ жаловаться къ Пульхеріи, которая поражена ся красотой и сватаетъ ее брату. Θεодосій женится на ней въ 421 г., предварительно окрестивъ ее, потому что она еще была язычницей. При крещеніи ей дано было имя Евдокія. Друга своего Павлина, содѣйствовавшаго его счастью, императоръ возвелъ въ почести. Два года спустя, когда въ день Богоявленія Θεодосій отправился въ церковь, какой-то бѣднякъ поднесъ ему фригійское яблоко такой величины, что всѣмъ было на диво; императоръ велитъ выдать ему

150 золотныхъ, а яблоко отсылаетъ Евдокія; та даетъ его, въ свою очередь Павлину, лежавшему дома съ больною ногою; Павлинъ же, не знавшій, черезъ какія руки прошло яблоко, вновь отсылаетъ его императору и тѣмъ возбуждаетъ его подозрѣніе. Феодосій увѣренъ, что между Павлиномъ и Евдокіей существуютъ шашни, и начинаетъ допрашивать жену: что она сдѣлала съ яблокомъ? „Я его съѣла“, отвѣчаетъ она и на вторичный вопросъ подтверждаетъ это клятвенно. Императоръ, убѣжденный въ ея виновности, разстается съ нею, а Павлина велитъ умертвить. Евдокія уѣзжаетъ въ Іерусалимъ и Антиохію и позже, умирая въ Іерусалимѣ, торжественно исповѣдаетъ свою и Павлинову невинность ¹⁾).

Можно предположить, что Готье впервые ввелъ, ради исторической окраски, имя невѣрной Атенанды въ повѣствовательный мотивъ, не имѣвшій къ ней никакого отношенія, или наоборотъ, легенду объ Атенандѣ обставилъ сказочными подробностями. Массманнъ допускаетъ еще возможность, что вся сказка съ именемъ Атенанды сложилась по слѣдамъ совершившагося факта уже на почвѣ Византии, такъ что Готье только записалъ ее и прикрасилъ, а не составилъ. Въ его романѣ дѣйствительно являются греческія имена или имена греческаго типа: кромѣ Ираклія и Атенанды — Меріадось, Паридесь, Морфей. На сколько послѣднее обстоятельство вообще позволяетъ заключать о византийскомъ источникѣ того или другаго памятника средневѣковой повѣствовательной литературы — сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ. За греческое происхожденіе сказочной части въ Егаслес говорить обстоятельство болѣе вѣское: существованіе подобныхъ же мотивовъ въ одномъ средневѣковомъ греческомъ разказѣ ²⁾).

¹⁾ См. *Masman*, l. c., стр. 144—162 и 455—462. Я привелъ въ извлеченіи эту повѣсть, чтобы возможно было сравнить ее съ содержаніемъ романа Готье и чтобы выстѣ съ тѣмъ указать въ ней на одну старую сказочную черту: на мотивъ яблока, ягода, драгоценнаго камня и т. и., передающагося изъ рукъ въ руки. Онъ встрѣчается въ Випрамичаритрѣ (Св. Соломонъ и Киторисъ, стр. 27) и цѣломъ рядѣ произведеній, о которыхъ см. у *Oesterley*, *Baital-Pachisi*, стр. 176 и слѣд. *Oesterley*, стр. 178, считаетъ этотъ мотивъ слишкомъ простымъ и естественнымъ, чтобы онъ могъ дать поводъ говорить о заимствованіи. Такого рода комедія недоразумѣній должна была не разъ встрѣчаться въ жизни.

²⁾ См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ *Ж. М. Н. Пр.* 1877 г. Май, *Freiheit*, — *Злѣвѣршѣ*, стр. 81, прии. и *Le Dit de l'empereur Constantin* въ *Romania*, № 22, p. 180, прии. 3.

Перейдемъ къ содержанію романа Готье. Въ Римѣ жилъ былъ сенаторъ Меріадось и жена его Казина. Они были люди богобоязненные и щедрые на милостыню. Жили другъ съ другомъ семь лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было. Тогда они стали молить Бога, и Господь услышалъ ихъ просьбу: во снѣ Казинѣ явился ангель, велѣлъ ей постлать на полу богатый коверъ и сверху шелковую ткань; въ эту ночь она зачнетъ сына, который будетъ радостью всего Рима; пусть на слѣдующій день отслужить обѣдню, коверъ и ткань подастъ въ церковь, а бѣдныхъ надѣлитъ милостынсю. Все это исполнилось, и въ урочное время родился мальчикъ, котораго родители назвали Dieudonné (Богданъ), а въ крещеніи Иракліемъ. На третій день по крещеніи на кроватку ребенка падаетъ письмо, на которомъ сверху было написано, чтобъ Ираклія отдали въ школу, когда будетъ тому пора и время, а до той поры письма не вскрывали бы. По пятому году мальчика отдали въ ученье, и его успѣхи такъ быстры, что другому не сдѣлать въ четыре года того, что онъ успѣлъ въ годъ. Мать, увидя его столь разумнымъ, ведетъ его въ церковь и тамъ передъ алтаремъ вручаетъ ему чудесное письмо. Ираклій читаетъ его и приходитъ въ великую радость: Господь обѣщалъ ему три таланта, которые онъ тотчасъ и ощущаетъ въ себѣ, едва окончивъ чтеніе: онъ становится знатокомъ драгоценныхъ камней, какая въ каждомъ изъ нихъ находится сила; ему стоило увидѣть женщину, чтобы знать всю ея жизнь и нравственные достоинства; наконецъ, изъ тысячи коней онъ сумѣлъ бы безошибочно выбрать лучшаго. Ираклію было десять лѣтъ, когда умеръ его отецъ; мать предлагаетъ ему продать все ихъ имущество, земля и замки, и деньги отдать бѣднымъ, на монастыри и пріюты, во спасеніе души умершаго. „Ты проживешь своимъ знаніемъ (Tu ses tant de devinement, v. 311), а мнѣ много не нужно“,—говоритъ она сыну, и тотъ соглашается. Вскорѣ они стали такими же бѣдными, какъ любой нищій въ Римѣ; ихъ все забыли; они ведутъ свитую жизнь, мать кормитъ себя и Ираклія тѣмъ, что заработаетъ прялкой, но нѣтъ у нихъ денегъ на добрыя дѣла и на милостыни. И вотъ Казина предлагаетъ Ираклію — продать его самого. Въ то время былъ такой обычай, поясняетъ авторъ, — что родители могли свободно продавать своихъ дѣтей. „Тобѣ самому жить будетъ лучше (v. 400: car tu avras trop gregnor aise), когда люди оцѣнятъ твои знанія; я выручу за тебя большія деньги и раздамъ ихъ бѣднымъ во спасеніе души твоего родителя, а сама пойду спасаться въ монастырь“. Такъ говоритъ мать Ираклія, и тотъ не только не противорѣ-

чить, но еще наказывает ей—не уступать его менѣе, какъ за тысячу золотыхъ. Привизавъ къ его шеѣ свой поясъ, она выводитъ его на главный базаръ Рима, съ ярлыкомъ впереди, точно продажную лошадь. Покупатели подходятъ, по всѣмъ глумятся надъ высокою цѣною, назначенною за мальчика: „Если тысяча золотыхъ зашиты въ его платье“, тогда онъ точно ихъ стоитъ, говорятъ они. По Ираклій успокоиваетъ мать: еще не явился тотъ, кому суждено его купить. Въ это время прѣзжаетъ на рынокъ сенешаль императора, и узнавъ цѣну, приходитъ въ такое же недоумѣніе, какъ и всѣ другіе. „Если вы не желаете покупать, то и не торгуйтесь“, говоритъ ему Ираклій, — „но слишкомъ дорого вы за меня не заплатите: вы вѣдь не знаете, чего я стою. На вопросъ сенешала онъ объявляетъ ему о своихъ трехъ вѣщныхъ знаніяхъ: „Еслибъ все это оказалось ложью, вы можете меня повѣсить, съжечь, либо выколоть мнѣ глаза“. Сенешаль покупаетъ его; но при дворѣ всѣ смѣются надъ его легковѣріемъ и считаютъ Ираклія за ловкаго обманщика, хотя и передъ лицомъ императора онъ подтверждаетъ о себѣ все то, что говорилъ сенешалу. Императоръ Лансъ (Lais) рѣшается испытать его: велитъ кликнуть кличъ по Риму, чтобы всякій, у кого найдется какой-нибудь цѣнный камень, принесъ его подъ страхомъ смерти въ указанный день въ означенное мѣсто. Всѣ повиновались, и устраиваются двѣ великолѣпныя выставки драгоценныхъ камней; были между ними такіе, что за нихъ можно бѣ отдать все золото, какое есть въ Тулузѣ. Ираклій долженъ выбрать между ними самый лучший; императорскій служитель идетъ за нимъ: ему дано порученіе заплатить всякую сумму, какую ни потребуетъ мальчикъ. Всѣмъ на диво или въ смѣхъ ставовится, что онъ обходитъ ряды и ни на что не обращаетъ вниманія; вотъ уже всѣ ряды обошелъ, видитъ — въ самомъ концѣ купецъ торгуетъ перцемъ и другими приносами, и тутъ же выложилъ камень: онъ нашелъ его случайно и захватилъ съ собою лишь потому, что не хотѣлъ послушаться императорскаго указа. Ираклій прямо идетъ къ нему и спрашиваетъ о цѣнѣ камня. „Я охотно отдамъ вамъ его“, отвѣчаетъ купецъ; — „дайте мнѣ за него шесть копеекъ (six deniers, v. 864). Я очень бѣденъ“. — „Если уже такъ бѣденъ, какъ говоришь, то я дамъ тебѣ за него двадцать марокъ“. „Грѣхъ вамъ глумиться надъ бѣднымъ человѣкомъ. Этого и Богъ не велѣлъ“. „А коли такъ, то ты получишь не двадцать, а сорокъ марокъ“, — и онъ тотчасъ же велѣлъ императорскому служителю заплатить ихъ. Тотъ повинуется, но неохотно и грозя Ираклію пожаловаться на него за такую напрасную растрату добра.

Предупрежденный имъ императоръ встрѣчаетъ Ираклія немилостиво: „Ты видво хочешь я мепя провести, какъ своего ховянна сеншала, когда за дрянной камень велѣлъ отдать сорокъ марокъ“. „Этотъ камень стоитъ всей вашей казны“, отиѣчаетъ Ираклій;—„заллати я за него шесть копѣекъ, онъ утратилъ бы всѣ свои качества. А сила его такова, что кто его носитъ, того не беретъ ни вода, ни огонь, ни оружіе“. Императоръ обнаруживаетъ желаніе испытать тотчасъ же — все ли это правда: Ираклія бросаютъ въ Тибръ съ жерновомъ на шеѣ, и когда онъ уже долге время былъ подъ водой, вытаскиваютъ его оттуда — живого и здороваго. Затѣмъ онъ входитъ въ огонь, нарочно для того разведенный, и съ такимъ-же результатомъ; послѣ него повторяетъ тотъ же опытъ императоръ: самъ Ираклій проситъ его о томъ, чтобы разубѣдить невѣрующихъ и завистниковъ, говорившихъ, что тутъ дѣло не въ камнѣ, а въ волшебствѣ самого Ираклія. Наконецъ онъ же испытываетъ на себѣ третью силу чудодѣйственнаго камня: на него нападаетъ съ мечемъ въ рукахъ силачъ, рубить на право и на лѣво — а ему ничего отъ того не дѣлается. Императоръ совершенно удовлетворенъ, и у него тотчасъ же является идея — воспользоуваться вѣщимъ званіемъ Ираклія — чтобы выбрать себѣ жену. Дѣло это, какъ извѣстно, трудное: иногда ничего не стоящій человекъ выберетъ себѣ прекрасную жену, а хорошій обочтется; тотъ возьметъ терніе, тотъ розу: вотъ чего боится императоръ. Но прежде того онъ еще хочетъ убѣдиться въ другомъ искусствѣ Ираклія—въ его знаніи лошадей. Снова клякнули кличъ, и къ названному дню приведены въ одно мѣсто всѣ лошади, какія только были на лицо; въ числѣ ихъ императоръ велѣлъ помѣстить, какъ будто на продажу, и своего собственного коня: гучшаго сыскать было трудно; если Ираклій его выберетъ, онъ дѣйствительно покажетъ себя знаткомъ. Но тотъ, къ великому горю сеншала, не обращаетъ на него никакого вниманія, и обойдя всѣхъ другихъ лошадей, подходитъ къ одному жеребенку, у котораго всего-то четыре зуба прорѣзались, онъ еще двухгодовалный; хуже его нѣтъ на всемъ рынкѣ (*c'est li pires au voir dire*, v. 1357). Между продавцемъ и Иракліемъ завязывается разговоръ: тотъ проситъ за него двѣ съ половиной марки и даже готовъ уступить половину; ужъ очень онъ бѣденъ; обманулъ его тотъ, кто далъ его ему, обѣщая, что жеребенокъ спасетъ его отъ нищеты. „Кто же подарилъ его тебѣ?“ спрашиваетъ Ираклій. „Я его не знаю: онъ былъ бѣлѣе снѣга (*plus blanc que pois*, v. 1458), подарилъ мнѣ жеребенка — Бога ради (*pour amour*

Discn v. 1459) и болѣе не сказалъ ни слова⁴. Ираклій сулитъ бѣднѣяку двадцать, а потомъ и сорокъ марокъ. Всѣ поражены этою странною покупкой, императоръ разгнѣванъ, но мудрый юноша (petit enfant, v. 1810) объясняетъ ему, что этотъ жеребенокъ одинъ стоитъ тысячу коней, какими его люди любовались на торгу. Пусть испытаютъ его въ бѣгу съ тремя лучшими рысаками: онъ перебѣжитъ ихъ навѣрно, только самъ станетъ ни къ чему не годенъ; еслибъ обождать ему годъ, такой лошади не сыскать бы на всея свѣтѣ. Императоръ естественно принимаетъ это за хитрую увертку, и требуетъ, чтобы тотчасъ же былъ произведенъ опытъ. Ираклій самъ садится на жеребенка; съ нимъ бѣгутъ три лучшіе скакуна, такъ разставленные, что еще подъ конецъ бѣга ему приходится помѣриться съ совсѣмъ свѣжею лошадейю. Но косматушко (li roulains velus, v. 1643) всѣхъ ихъ уложилъ на смерть. Императору докладываютъ о результатѣ бѣга: теперь онъ увѣренъ, что все, что ему говорили о жеребенкѣ, справедливо. „Было справедливо, а теперь прошло“, говоритъ Ираклій, — „сегодня это былъ лучшій изъ коней, теперь онъ ничего не стоитъ, все одно, что дерево. Велите подрѣзывать кожу на ногахъ: у него весь мозгъ вышелъ изъ костей и найдется между мясомъ и кожей¹⁾. До одного года на немъ не слѣдовало ѣздить“. Посмотрѣли и убѣдились, что Ираклій говоритъ правду.

Императоръ, возмѣтившій къ нему безграничную вѣру, проситъ его теперь помочь ему отыскать себѣ достойную супругу. Ираклій готовъ сослужить эту службу и велитъ оповѣстить всѣхъ родовитыхъ людей (as gentieus hommes seulement v. 1950), чтобы всякій изъ нихъ, у кого есть красивая дочь, племянница или родственница, привезъ ихъ въ Римъ на смотрины, потому что императоръ намѣренъ выбрать изъ нихъ себѣ жену. Всѣ съѣхались и стали станомъ въ долину подъ городомъ: поставили богатыхъ шатровъ, дѣвушки приукрасились и приварядились; каждая изъ нихъ напередъ завидуетъ другой и въ тайнѣ питаетъ надежду, что на нее падетъ завидная доля — быть императрицей, но всѣ прослышали о знахарѣ Иракліи, и всѣ безпокоятся о себѣ, чтобы онъ не открылъ всѣмъ какой-нибудь ихъ незавидной тайны. Ираклій проситъ ихъ сѣсть и начинаетъ обходить ихъ по

¹⁾ V. 1853: Qui la molle i est jà très toute. у *Massmann*: q'il amollé iest и т. д., что не даетъ никакого смысла. Надо замѣтить вообще, что текстъ франц. Егаслеа, напечатанный, *Массмановъ* требуетъ совершенной перекладки, хотя бы даже съ помощью собранныхъ у него вариантовъ.

порядку. Съ краю сидѣла дѣвушка, такая красивая, что другой такой не найдти во всемъ царствѣ; но отъ Ираклія не скрылся ея порокъ: жадность (*avarisse*). Это такой недостатокъ, который и богатую женщину заставляетъ постоянно плаваться на бѣдноту и желать большаго, а бѣдную побуждаетъ торговать всемъ — лишь бы нашлись охотники ¹⁾. Ираклій обошелъ шестьдесятъ дѣвушекъ; вотъ сидитъ одна, такая скромная, кажется, и воды не замутитъ (*ne perit, ke face aighe troubler, v. 2258*). Ираклій засмѣялся. А та думаетъ: „Вотъ подойдетъ и скажетъ: Милая, ты будешь императрицей. Жалко мнѣ императора, что довѣрился онъ вѣщуну, ничего-то онъ о мнѣ не знаетъ, что есть у меня другъ, котораго я люблю и любить не перестану. Больно ему будетъ, когда я стану женой другаго; но пусть не беспокоится, мы будемъ часто видѣть другъ друга, я буду представляться большою, а онъ станетъ приходить ко мнѣ подъ видомъ врача. А отъ вѣщунна я сумѣю избавиться еще сегодня вечеромъ“. Вотъ отъ чего засмѣялся Ираклій; онъ велитъ позвать дѣвушку въ шатеръ и въ присутствіи четырехъ бароновъ говоритъ ей: „Мы здѣсь одни, и вамъ скрывать нечего. Не правда ли, вы тотчасъ думали, что я выберу именно васъ. Увѣрю васъ, что это невозможно. Признайтесь мнѣ во всемъ, или я самъ отерю ваши мысли“. Та молчитъ, считая его придурковатымъ. „И только напомню вамъ старую притказку: о врачѣ и о лѣкарствѣ“, продолжаетъ Ираклій, принуждая дѣвушку во всемъ сознаться.

Она снова садится на свое мѣсто къ великой радости подругъ, ужъ услѣвшихъ ощутить къ ней сильную зависть. Но отъ этого не успѣха имъ самымъ не легче: Ираклій всѣхъ ихъ минуетъ: одна слишкомъ горда, другая болтлива, эта — лжива, та сохраняла дѣвственность и чистоту, но потому только, что не было случая потерять то и другое. Смотринны кончались ничѣмъ, ни на одну изъ собравшихся красавицъ не палъ выборъ Ираклія: съ тѣмъ пришли, съ тѣмъ и уѣхали. Ему самому и горько, и совѣстно; онъ одинъ возвращается въ Римъ и при самомъ въѣздѣ въ городъ встрѣчаетъ дѣвушку: онъ нашелъ, что ему нужно. Онъ погналъ за ней свою лошадь, но та замѣтила это и пугливо скрывается въ домъ своей тетки, у которой жила, такъ какъ ее мать и отецъ сенаторъ ужъ умерли. Ираклій идетъ за нею слѣдомъ и объясняется съ теткой, которая

¹⁾ Et s'elle a teus fais encargié, Si fait de cant k'elle a marcié, Puis k'elle soit souvent requise. Vv. 2215—17. Это напоминаетъ изреченіе Сократа.